

три дня над страницей!»¹⁰. Каторжный труд. Но в результате, открыв том Воробьева, мы имеем дело с «отточенной и завершённой фразой»¹¹. И в этой фразе уловлены, собраны вместе разрозненные образы его наблюдений и впечатлений, дошли до света и обрели достойные черты идеи и мечты писателя.

Он мастер катарсиса. Вы вдруг не можете сдержать рыданий. Проще всего объяснить это содержанием, поскольку он писал, в основном, о трагичном, тяжёлы и печальны переживания его героев: ад плена, крушение иллюзий, несостоявшаяся любовь. Но, независимо от значения описываемых событий, движения текста и смысла в следовании слов, меняющиеся ритм и темп – всё подводит к неминуемому взрыву. И он происходит – момент очищения, момент истины, а вам не сдержать слёз, потому что магия авторской речи вас захватила, и всё это происходит с вами: ужас неминуемой смерти, и эти, с засученными рукавами, и мёртвый на спине – как щит, истерика в болотной жиже, а солдаты горько констатируют «бобик сдох», но спустя минуты – истерика была тем же очищением – вы снова перед строем, вы снова командир, армия жива, и к вам – с вопросом «а с этим, кто насчёт бобика, что будем делать?»... И всё это в бессюжетном фактически рассказе («Дорога к мужеству»), фабула хронологична, события развёртываются во времени, следуя друг за другом без всякой смысловой связи, как в жизни, подчинённые не авторскому замыслу, а воле случая. Но если проследить события души...

Вот главное в творчестве Воробьева – события души. Лучшее его, на мой взгляд, и самое характерное – это рассказ «Картины души». Здесь он предстаёт перед нами как мастер изображения душевных состояний, переживаний. Они все навеяны реальными событиями, которые нам всем близки и понятны, они все из нашего времени, но сколько значения в них находит Константин Воробьев, сам тонко чувствующий и сильно переживающий и умеющий так тонко передать зарождение, начало чувства, его развитие! Это не о любви, во всяком случае, не только о ней. Их много у него, картин души, – в военной прозе, произведениях о селе, о детях и, конечно же, о любви.

Он проводит своих героев, их души через такие ситуации, когда наступает крайний миг, когда стоит вопрос о жизни или смерти, когда до предела напряжены все силы, а чувства обнажены и в максимальной ясности предстаёт суть человека. Даже любовь, сама по себе пограничное состояние, у него исследуется в напряжённых условиях войны («Крик»), что ставилось автору в вину: Родину нужно защищать, а у него – любовь... Характерно и переживание страха, и преображение деда Матвея в сцене расстрела, когда он был неожиданно помилован («Сказание о моём ровеснике»). В тех же «Картинах души» герой рассказа застигнут бурей, один в протекающей лодке на середине лесного озера, и никого вокруг. И не было надежды выбраться на берег. По сути, всё шло к гибели. И вдруг он видит фигурку, которая мечется по берегу. Человек ему что-то кричит. Он разделся, думая, наверное, плыть на помощь, хотя и было ясно, что ничем он не поможет. Но гибнущему становится как-то радостнее, легче оттого что он не один, что есть живая душа, которая с ним и за него. Всё кончилось благополучно – буря стихла, не успев погубить

---

¹⁰ Воробьева, В. В. Розовый конь / В. Воробьева // Подъем. – Воронеж, 1994. – №1. – С. 98

¹¹ Брюсов В. И. Сонет к форме.